

Трость

*За цепь унылых гор Луны
Отвечал пришелец из хлада:
«В страну теней скачи смелей,
Если ищешь Эльдорадо!»*

Э.По. Эльдорадо

Константин Ситников

ФАНТАСТИКА

3 октября 1849 года дверь таверны «Кут и Сарджент», что на Ломбард-стрит в Балтиморе, распахнулась, и на пороге появился невысокий худощавый мужчина лет сорока в черном мешковатом пальто, под которым виднелась грязная жилетка и не первой свежести сорочка; заношенные темно-серые панталоны приходились ему явно не впору, а шелковый платок на шее был повязан весьма дурно и неряшливо. Длинные вьющиеся волосы, спутанные и давно не мытые, ниспадали в стороны, открывая широкий, иссеченный морщинами лоб; усы под узким, хрящеватым носом обвисли; тонкие бледные губы были расслаблены и слегка подрагивали. Мужчина не был пьян — даже если он и выпил в тот день, то не больше одного стакана легкого вина. И все же его изможденное, помятое лицо несло на себе явственные отпечатки недавнего запоя и мучительного похмелья. Распахнув дверь, он приподнял голову и, слегка прищурившись, обвел взглядом небольшой зал с низким закопченным потолком.

Вошедший страдал близорукостью, и это была единственная причина его прищур, однако завсегда таверны, которые в ответ на звяканье железного колокольчика дружно оторвались от своего пива и с воловьей прямоотой усталились на нежданного гостя, прищур этот не понравился: заносчивость и нарочитое высокомерие, оскорбляющие их простые и грубые нравы, почудились им в этом прищуре. Но особенно не пришлось по душе сидевшим в таверне толстая дорогая трость с серебряным набалдашником, которую мужчина держал в руке и которая так не соответствовала его потрепанному виду.

Оглядевшись, мужчина сунул трость под мышку, погрузил руку в, казалось, бездонный карман и долго шарил там. Вся компания в таверне с молчаливым напряжением ожидала, каков будет итог этих поисков. Наконец незнакомец извлек руку из кармана и, приблизившись нетвердой походкой к стойке, выложил на нее несколько мелких серебряных монет. Бармен небрежно сгреб серебро в деревянный ящичек и налил клиенту бренди. Тот взял стакан дрожащими пальцами и одним глотком осушил его. Замечательные его большие серые глаза, и прежде беспокойные, теперь лихорадочно заблестели.

Ограничившись одним стаканом, мужчина прошел в глубину зала и уселся за пустой столик в углу. Трость же он с необыкновенной заботой положил перед собой на стол и, утомленно опустив веки, откинулся на высокую спинку стула. При этом он продолжал придерживать трость рукой, словно опасался за ее сохранность. Это тоже не понравилась завсегда таверны.

Они продолжали пялиться на странного посетителя, словно ожидали от него какого-нибудь фортеля. Однако время шло, а ничего не происходило: мужчина неподвижно сидел за пустым столиком и, казалось, намеревался просидеть так до самого закрытия. И тут, когда надежда развлечься за

чужой счет уже, считай, пропала, случилось нечто, и это вызвало недоумение еще большее, чем сам вид и непонятное поведение незнакомца.

Из угла, скрытого от посторонних глаз толстой балясиной, высунулся дряхлый старик лет шестидесяти пяти или семидесяти, в рваном сюртуке, сквозь прорехи которого виднелось заношенное, но дорогое белье. Один глаз у него, под дряблым веком, был голубоватый, подернутый пленкой, как у хищной птицы. Из провалившихся щек во все стороны торчала белесоватая щетина. Но более всего замечателен этот старик был тем, что на плече у него, нахохлившись, дремал столь же старый, как и он сам, лысый ворон с побелевшим от дряхлости оперением. Кажется, он был очень недоволен тем, что старик стронулся с места, нарушив его покой.

Старик прошел через весь зал и, приблизившись к странному посетителю, продребезжал над самым его ухом:

— Сдается мне, это не кто иной, как Эдди По, приемный сын торговца Аллана, да упокоит Господь его грешную душу!

Заслышав эти слова, мужчина вздрогнул и открыл глаза. Болезненная судорога исказила его лицо, он мертвецки побледнел и вцепился в свою трость, как только увидел ворона. Ворон тоже пристально посмотрел на мужчину, но тут же равнодушно отвернулся и стал оправлять клювом перья.

— Эй, да ты только взгляни, Неви! — воскликнул старик, обращаясь к птице. — Видать, жизнь здорово помяла красавчика Эдди. Не правда ли, мистер По?

— Ступай прочь, старик! — раздраженно ответил тот хриплым голосом.

— Э-э, а мы слышали о вашей громкой славе, мистер По! — с укориной сказал старик и затем снова кивнул птице, словно ища подтверждения: — Верно ведь, Мори? — Ворон не ответил, и старик продолжил: — Как я понимаю, мистер По, в кармане у вас негусто. Но все равно позвольте мне присесть за вашим столиком.

— Делайте что хотите, — безразлично ответил мужчина и снова откинулся на спинку стула, прикрыв глаза.

Его явно знобило: на бледном лбу выступила испарина. Но назойливый старик, казалось, не обратил на это внимания.

— А мне, грешным делом, захотелось поговорить с вами, — добродушно начал он, усевшись. — Да, да, поговорить с вами о вашей трости. Разумеется, если это действительно ваша трость. Действительно ваша. — Он выделил голосом именно эти последние слова.

— Что вы хотите сказать? — вскинулся мужчина.

— Что я хочу сказать? А то, что, сдается мне, это вовсе не ваша трость, а? Не ваша, не ваша, мистер. Вы просто-напросто украли ее у своего друга Джима Картера! Да-да, просто-напросто украли ее: присвоили, прибрали к рукам! Что, скажете, нет?

— А вам какое дело? — грубо оборвал его мужчина.

— Совершенно справедливо: мне нет до Джима Картера никакого дела. Но, видите ли, это я продал доктору Картеру трость и в некотором роде несу за нее ответственность. Мне вовсе не хотелось бы, чтобы меня обвинили в том, что я продаю некачественный товар. Вот если бы вы согласились выкупить эту трость у меня, тогда другое дело.

— Что? Выкупить ее у вас? Дьявол, кто вы такой?

— Кто я такой? — вкрадчиво переспросил старик. — Так уж и не знаете? — Его губы растянулись в неприятной ухмылке, а из ушей поднялись и тут же растаяли в воздухе желтоватые дымные струйки. Или это только показалось? Скорее всего, именно так. — Поверьте мне, — с горячностью продолжил он, прикладывая руки к груди, — вы не пожалеете, если согласитесь на мои условия. Спросите у доктора Картера. Уж он-то вам скажет, что эта трость приносит удачу. Мало того, она приносит богатство. Вы знаете, кем был Джим Картер до того, как выменял эту трость у меня? Жалким лекаришкой с крошечной практикой. Он носился с бредовой идеей изобрести панацею от всех недугов, телесных и душевных. Его никто не принимал всерьез, для окружающих он был настоящим посмешищем, чем-то вроде городского сумасшедшего. А теперь это всеми уважаемый господин, известный своей трезвостью и уравновешенностью. Понимаете? И вы можете достичь того же, если приобретете эту чудесную трость. Вы станете истинно семейным человеком. Вы получите положение в обществе. Я знаю: вы как-то хлопотали о месте в городском таможенном управлении. Вы получите это место. И главное, главное — подумайте об этом! — вы наконец-то сможете приступить к изданию толстого литературного журнала, о котором мечтаете столько лет!

— Убирайтесь! — крикнул мужчина.

— Напрасно, напрасно, мистер По. Ведь и прошу-то я взамен всего ничего. Сущую безделицу, пустячок, без которого вам станет только легче. — В голосе старика проскользнули нотки сладострастия, и вслед за тем он протянул к собеседнику кривые руки: — Ваш талант! Ваш сверхъестественный талант! Ваша умопомрачительная фантазия! Ваш поэтический дар! Вот что я хотел бы иметь взамен... Но поторопитесь, поторопитесь, пока не вернулся владелец трости! Он уже близок. Я слышу его шаги. Скорее, скорее! Отдайте мне ее! Отдайте мне свою душу! — Старик порывисто вскочил со стула, но затем в нем словно что-то сломалось: он обессиленно осел и уронил голову на грудь.

Тут над дверью стукнул колокольчик, она широко распахнулась, и в таверну вошел низенький толстяк весьма самоуверенного вида. Он стянул с левой руки перчатку, бодро огляделся и, различив среди присутствующих в таверне нужного ему человека, устремился прямо к его столу.

— А, вот ты где, Эдди! — воскликнул радостно. — А я тебя ищу по всему городу. Послушай, где ты пропадал столько дней? Мне сообщили, что ты остановился в «Брэдшоус», я прихожу туда — и что же? Узнаю, что ты снял комнату только на одну ночь и тут же исчез куда-то, как провалился! Поверишь ли, мне пришлось выкупать твои вещи, иначе они грозились распродать их с аукциона, чтобы возместить убытки. Эти мошенники просили с меня пятнадцать долларов, но я-то знал, что у тебя нет ничего, кроме старого тряпья и рукописей. Мы сговорились на пяти и расстались добрыми друзьями. Так что, дружок, ты должен мне пять долларов. Впрочем, я пришел не за этим, Эдди. — Он плюхнулся на свободный стул и, пристально глядя в расширенные зрачки собеседника, проговорил раздельно и отчетливо: — Я — пришел — за моей — тростью.

При этих словах его рука в желтой перчатке легла на трость, которую мужчина продолжал держать на столе. Тол-

стые пальцы плотно обхватили гладко отполированную палку. Мужчина дернул трость на себя, толстяк не отпустил, все так же пристально глядя тому в глаза.

— Кто вы такой? — раздраженно спросил мужчина. — Какого черта вам всем от меня нужно?

— Ты что же, не узнаешь меня, Эдди? — удивился толстяк. — Я твой друг, Джимми Картер, доктор Картер. Мы познакомились в «Старом лебеде». Я пользовал тебя, когда ты жил у Макензи, ты разве забыл? Помнится, тогда ты обещал мне, что больше капли в рот не возьмешь. Похоже, дружок, ты нарушил свое обещание. Неудивительно, что у тебя отшибло память.

— Вы не Джим Картер, — возразил мужчина. — Я хорошо знаю доктора Картера. Он остался в Ричмонде. И я никогда не поверю, чтобы он проделал двухдневный путь морем только ради того, чтобы украсть у меня мою трость.

— Твою трость?! — вскричал толстяк. — Это не твоя трость!

— Это моя трость! А вы... вы самозванец!

— Что?

— Да, вы не доктор Картер. Я знаю, кто вы: вы — Вильям Вильсон!

Произнеся это, мужчина схватил со стола трость и размахнулся ею, намереваясь ударить толстяка серебряным набалдашником. Однако в самый последний момент проворный толстяк успел нагнуться — трость просвистела у него над головой и со всего маху влепила в лоб старику, который как раз привстал со стула и предостерегающе вытянул руку.

Пару секунд старик стоял с выпученными глазами и раскрытым ртом, а затем замертво рухнул на пол. Ворон вспорхнул с его плеча и, прыгнув на стол, каркнул на всю таверну. Этот выкрик птицы послужил сигналом для всех, кто здесь находился. Повскакав со своих мест, одни бросились к расprostертому на грязном полу старику, а другие схватили под руки мужчину, который, казалось, меньше всего ожидал такого исхода. Трость он по-прежнему сжимал в кулаке и пытался отыскать глазами толстяка, однако тот словно испарился. Вместо него в толпе появился неизвестный человек с бледным лицом и горящими глазами. Странное было на нем одеяние для дешевой таверны: испанский плащ голубого бархата, стянутый у талии алым поясом, а на боку рапира.

Едва завидев его, мужчина принялся вырываться из рук удерживавших его людей:

— Вот он! Держите его! Это Вильям Вильсон! Это он убил старика!

Однако на эти слова никто не обратил внимания — скрутили руки, а кто-то еще ткнул кулаком в бок...

Очнувшись, мужчина обнаружил, что сидит на жестком стуле, бумажный воротничок сорван, а с волос стекает вода. В таверне — пусто, ни посетителей, ни даже бармена. Зато напротив, за другим концом стола, — незнакомый джентльмен со злополучной тростью на коленях.

Мужчина опасливо огляделся. Мертвого старика не было. Не было и ворона. Не было и толстяка. Только джентльмен, сидящий напротив.

— Где он? — проговорил мужчина, с трудом шевеля губами и все еще озираясь.

— Кто? — поинтересовался джентльмен.

— Да Вильям Вильсон же!

— А кто такой Вильям Вильсон? — Это прозвучало совершенно спокойно.

— Вы не знаете Вильяма Вильсона? Он похож на меня! — заявил мужчина и подозрительно посмотрел на собеседника: — А вы-то сами кто?

Джентльмен удивленно приподнял бровь:

— Мне казалось, что мы с вами знакомы. Но если хотите, то я — Дюпен, а Дюпен — это ваш покорный слуга.

— Дюпен? — обрадованно переспросил мужчина. — Вы-то мне и нужны, дружище Дюпен! Уж вы-то сможете разобраться в том, что произошло. Поверьте, я вовсе не крал у него эту проклятую трость. Все было совсем не так.

Дюпен доброжелательно похлопал его по руке:

— Расскажите все по порядку. Так нам будет легче разобраться в том, что произошло.

— Хорошо. Видите ли, — начал мужчина, пытаясь приладить оторванный воротничок и придать себе более пристойный вид, — я собираюсь жениться. Да, мой друг, я собираюсь жениться, — повторил он, словно предвидя возражения. — Невесту зовут миссис Шелтон, Эльмира Шелтон. Ее девичья фамилия Ройстер... В юности мы были тайно помолвлены, но отец обманом выдал ее замуж за этого дельца Шелтона. Теперь она состоятельная вдова и живет в Ричмонде, в собственном двухэтажном особняке. Венчание назначено на семнадцатое октября. Все уже готово. Сразу после свадьбы мы уедем куда-нибудь поближе к Уэстфорду, где я собираюсь снять небольшой коттедж. Впрочем, это не важно... Вы хотите знать, что произошло в тот день, когда я отбыл из Ричмонда? Что ж, извольте. Я расскажу вам все по порядку, ничего не утаивая.

В среду, а это было двадцать шестое сентября, я навестил нескольких своих ричмондских друзей, но затем, ближе к вечеру, зашел к миссис Шелтон попрощаться. Она отговаривала меня от поездки, говорила, что я болен... и это правда, в тот день у меня началась лихорадка, но что же делать — дела в Филадельфии и Балтиморе, и я не мог отказаться от этой поездки. Возвращаясь от миссис Шелтон по Брот-стрит, я заглянул к доктору Картеру... Да, я был у него в ту ночь! Но совсем недолго — столько времени, сколько необходимо для того, чтобы пролистать газету. Выйдя от него, я встретил на улице старых знакомых, и мы зашли в ресторан к Сэдлеру — так он и называется: «У Сэдлера». Мне не хотелось возвращаться домой, я был слишком возбужден, чтобы уснуть. Мы засиделись допоздна, а потом вся компания пошла провожать меня на пристань. Пароход из Ричмонда отходит в четыре часа утра. Дорожный сундук из черной кожи был со мной. Я сел на пароход — и через два дня был уже здесь. Вот, это все. Вы можете проверить.

— Я верю вам, — кивнул мсье Дюпен. — Тем более что доктор Картер утверждает то же самое. Не удивляйтесь, я говорил с ним несколько минут назад, сейчас он дожидается в комнатах на втором этаже. Так вот, он утверждает то же самое, но за одним маленьким исключением. По его словам, выходя в тот вечер из его дома, вы по рассеянности вместо своей трости прихватили его трость. Когда он обнаружил вашу оплошность, было уже слишком поздно. Он выбежал на улицу, но вас и след простыл: он же не знал, что вы зашли с приятелями к этому вашему Сэдлеру!

— Почему же он не пришел на пристань, чтобы вернуть свою трость, если она так уж ему дорога?

— Вы ошибаетесь. Он пришел на пристань. Но, несмотря на все старания, так и не смог отыскать вас в толпе провожающих. Он решил было, что вы все же отказались от поездки и вернулись к себе. Дождавшись утра, он пошел к вам, однако миссис Клемм, которую он поднял с постели, сказала ему, что вас не было дома всю ночь и что вы, вероятно, уже находитесь на пути в Балтимор.

— И тогда он бросил все свои дела, сел на следующий пароход и доплыл до самого Балтимора? И все это ради

ФАНТАСТИКА

какой-то трости, пусть даже она стоит десять долларов! И вы всерьез полагаете, что он говорит правду? Одумайтесь, мсье Дюпен, этот пройдоха просто дурачит вас!

— Я понимаю, мистер По, — мягко возразил Дюпен, — на первый взгляд вся эта история кажется весьма странной. Но поймите и вы меня. Доктор Картер утверждает, что его трость — не простая трость. Это трость, которая приносит удачу. Ее ему подарили коллеги на пятидесятилетие, во всяком случае, он так говорит. Она очень дорога ему. Он в ней души не чаёт. У каждого свои причуды, мистер По, и мы должны уважать их. Вот почему он так огорчился, когда трость пропала. Вы меня понимаете? Думаю, лучше вернуть эту злополучную трость хозяину.

На несколько минут воцарилось молчание. Потом мужчина сказал, явно нехотя, со вздохом:

— Хорошо, я верну ее... Но не понимаю, почему мы говорим о какой-то дурацкой трости, когда этот старик с бельмом... — Он не договорил, и его аж передернуло.

— А вот в этом и заключается вся хитрость! — тут же откликнулся Дюпен. — И раз уж вы согласились признать, что трость принадлежит не вам, а мистеру Картеру, то это меняет дело. Посудите сами: убийство было совершено тростью, принадлежащей мистеру Картеру, хотя она временно и находилась у вас, но это не важно. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто был настоящим убийцей.

— Я не понимаю, — пробормотал мужчина, ошеломленно глядя на своего прославленного друга. — Вы хотите сказать, что это не я убил старика, а...

— ...А владелец трости, разве это не очевидно? — И Дюпен рассмеялся. — Это же просто как дважды два. Убийство совершено тростью. Трость принадлежит мистеру Картеру. Значит, Картер и совершил убийство. Понимаете?

— Действительно, — пробормотал мужчина, с силой растирая виски, — теперь я, кажется, начинаю понимать. В этом есть своя логика. Убийство совершено тростью. Трость принадлежит Джиму Картеру. А я не имею к этому никакого отношения.

— Совершенно верно. Вы просто молодчина, дружище! Хотите что-нибудь выпить?

— Н-нет... То есть да: сейчас мне нужно выпить, чтобы успокоиться.

— Отлично. Эй, бармен, два бренди!

Тут же, невесть откуда, появился бармен с подносом и чистой салфеткой.

— Позвольте поинтересоваться, — спросил Дюпен, отхлебнув, — у вас есть дети?

Кажется, этот вопрос застал мужчину врасплох: он опять глянул на собеседника подозрительно.

— Если не хотите, можете не отвечать, — поспешно проговорил Дюпен и продолжил: — Растолкуйте-ка мне лучше вот что. Вы сказали, что миссис Шелтон, ваша невеста, живет в Ричмонде и что у нее собственный двухэтажный особняк. А

между тем вы собираетесь переселиться поближе к Уэстфорду и снять там небольшой коттедж. Мне кажется это довольно странным.

Мужчина смутился, опустил глаза.

— Видите ли, — пробормотал он, — некоторые обстоятельства... Мне не хотелось бы говорить о них. Здесь замешана другая женщина. Но если вы настаиваете... В Уэстфорде живет семья Ричмондов... О, миссис Ричмонд — это само очарование. Я зову ее просто Анни. Не видеть ее — это выше моих сил! Когда в прошлом году (моя жена Вирджиния была еще жива) я сопровождал Фрэнсис Осгуд в Провиденс, там она познакомила меня с Хелен Уитмен. Э, вы должны были слышать это имя — она поэтесса, трансценденталистка... Через некоторое время (Вирджиния уже умерла) я предложил ей стать моей женой, но в последний момент все расстроилось. И вот тогда, ожидая ее письменного ответа на мое предложение (дело было в Фордхэме, откуда я иногда приезжал в Уэстфорд навестить Ричмондов), я и понял, что мое спасение только в моей маленькой Анни... Ведь вы меня понимаете?

Проговорив все это, он поднял глаза на Дюпена и остолбенел: никакого Дюпена напротив не было, а сидел там давешний щетинистый старик с бельмом на глазу (живехонек). Сидел и глядел издевательски.

— Разумеется, мистер По, — скрипучим голосом заговорил старик, безобразно ухмыляясь, — я хорошо понимаю вас, мистер По. Да и кто лишен этих маленьких слабостей? Приволокнуться, увлечься смазливой мордашкой... Да разве ж мы осуждаем? Разве мы осуждаем? Да, господа? — И, подмигнув мужчине, он повернулся за подтверждением к завсегдатаям таверны, которые, будто по мановению волшебного жезла, вернулись на свои места, точно не исчезали вовсе.

— Нет, вы не... вы не смеете! — закричал мужчина и вскочил со стула, тут же задев за край стола. — Вы жалкие обманщики! Ничтожества! Просто ничтожества! Вы не можете смеяться надо мной! Вы не имеете права оскорблять мой гений!.. Вы... вы...

Он будто захлебнулся. Все поплыло перед его глазами: какие-то усатые морды, похожие на квашеную капусту... жирные пальцы, похожие на сосиски... И с хрипом повалился на стол.

— Он умрет?

Доктор Моран вздохнул.

— Все мы смертны, мэм, — философически изрек он. И повернулся к посетительнице, чтобы сказать ей что-нибудь утешительное, но, к своему крайнему изумлению, обнаружил, что в кресле никого нет. Повернулся в другую сторону — стул для сиделки тоже был пуст.

— Что за чертовщина? — пробормотал доктор. — Не сам же с собой я разговариваю. Это все от переутомления.

Он достал из кармана большой клетчатый платок, вытер лоб и тут увидел женщину. Она стояла у окна, сложив руки на груди, и пристально смотрела на доктора. Высокая и очень худая, почти изможденная. Вероятно, подумал доктор, страдает каким-нибудь неизлечимым недугом. Однако уже в следующее мгновение забыл об этом — он был просто потрясен величественной осанкой и красотой этой женщины. Широкий бледный лоб, слегка выпуклый на висках, окруженный густыми иссиня-черными волосами, но главное, глаза — огромные, подернутые влажной поволокой, подобной ночному туману над тусклой гладью озера.

Минуту (а может быть, целую вечность) доктор глядел в эти глаза, чувствуя, как неотвратимо подпадает под их гу-

бительное месмерическое влияние. Но в конце концов чувство долга взяло верх: он справился с наваждением и решительно шагнул к женщине:

— Кто вы? Я же запретил пускать к больному кого бы то ни было!

Странная посетительница не ответила. Вынув из складки дорожного платья изящный флакон фиолетового стекла, она мягкой, бесшумной поступью приблизилась к столу, на котором стоял наполненный стакан, и уронила в воду три или четыре большие рубиновые капли.

— Дайте ему, когда он очнется, — произнесла она низким грудным голосом. И, обойдя остолбеневшего доктора, вышла из комнаты.

Дверь затворилась, но уже через мгновение сюда спокойно вошла Мэри, жена доктора. Доктор Моран ни на секунду не сомневался, что в коридоре она никого не встретила.

— Ну как он, дорогой? — спросила Мэри, направляясь к постели.

Она взяла со стола стакан с водой, чтобы дать больному лекарство.

Доктор протянул к ней руку, желая остановить, но было уже поздно: Мэри приподняла голову больному и влила сквозь его запекшиеся губы воду с растворенными в ней рубиновыми каплями.

Через несколько дней больной пошел на поправку.

Произошло ли это стараниями доктора Морана или оказали свое целебное действие капли таинственной незнакомки, о которой доктор во избежание кривотолков предпочел не распространяться, Бог весть. Но факт тот, что к вечеру шестого октября пациент уже не только садился в постели, но и самостоятельно, хотя и не без помощи добрейшей Мэри, поел куриного бульона. А доктор распорядился открыть шторы, и на потолок палаты легли последние лучи красного закатного солнца.

Сидя перед постелью выздоравливающего пациента и похлопывая его ладонью по руке, доктор Моран добродушно вещал:

— Правду сказать, мистер По, я и не надеялся, что вы выкарабкаетесь. Очень ослаблен был ваш организм. Не поверите, но моя жена Мэри уже сшила вам саван, прекрасный саван... Я человек не суеверный, но не иначе тут вмешалось само провидение!.. Еще одну ночь вы проведете у нас, а завтра кузен ваш, мистер Нельсон, заберет вас к себе.

— Сегодня ночью я отправляюсь в плавание, — тихо проговорил По.

— Э... как вы сказали? — переспросил Моран, наклоняясь к больному (он был туговат на ухо). — А, понимаю, вы хотите вернуться в Ричмонд. Ну, это вы напрасно. Я бы не рекомендовал вам подвергать себя превратностям морского путешествия, пока вы окончательно не окрепнете.

— Ночью за мной придет корабль, — все так же тихо, но твердо произнес По.

Доктор Моран, бросив на него быстрый взгляд, нахмурился:

— И куда же вы намерены направиться, мистер?

— На Южный полюс.

— Вот как?

Моран поджал губы. Он все еще рассеянно похлопывал больного по руке, но теперь на его лице не осталось и следа добродушия. словно бы спохватившись, он убрал руку в карман...

На ночь доктор оставил странного пациента на попечение сиделки, наказав ей в случае чего звать на помощь. Палата больного находилась по соседству с комнатами семьи док-

тора, на втором этаже левой башни «Вашингтон хоспитэл», почти над самой крышей.

Забираясь под одеяло, Моран сказал жене:

— Бедняга сбрендил.

Мэри вздохнула, делая последнюю стежку на саване.

А ночью поднялась буря. Принявшего снотворное доктора растолкала испуганная жена. В дверь колотили. Путаясь в ночной рубашке, Моран вскочил с постели и отпер дверь. И в то же мгновение окно за его спиной с треском распахнулось от сквозняка и яростный порыв ветра промчался по комнате. Мэри вскрикнула. Моран резко обернулся, чтобы посмотреть, что случилось.

Странное голубоватое свечение изливалось на потолок между взвившимися к потолку шторами. Как замороженный, Моран подошел к окну. Высокие черные тополя больничного парка оглушительно шумели. Над их вершинами ширилось голубое сияние. Оно становилось ярче и ярче — все вокруг уже было залито этим холодным мертвенным светом. И тогда доктор Моран увидел, как над верхушками тополя медленно возникает и начинает расти, как в кошмарном сне, черный, чудовищный нос исполинского корабля.

Он был водоизмещением никак не меньше четырех тысяч тонн. Колоссальный тускло-черный корпус не оживляли обычные для всех кораблей резные украшения. Из открытых портов торчали в один ряд медные пушки, полированные поверхности которых отражали огни бесчисленных боевых фонарей, качавшихся на снастях. От них-то и исходило странное голубое свечение. И только парусов не было у этого корабля.

Высунувшись по пояс в окно и придерживая рукой ночной колпак, изумленный доктор различил высоко в темном небе неясные очертания гигантского воздушного шара, о размерах которого лучше всего говорило то, что корзиной ему служил огромный старинный корабль.

— Мать Божья! — пробормотал Моран и попятился.

В коридоре, в красноватом сумраке, плавало бледное лицо перепуганной сиделки. В руках у нее была свеча.

— Скорее, доктор! — поторопила она, и Моран, натягивая на ходу сюртук, поспешил за ней.

В палате, как и в спальне доктора, окно оказалось распахнуто настежь, и в него, вскидывая шторы до самого потолка, врвался поток сырого осеннего ветра. В голубом свечении, шедшим из окна, все казалось пепельно-серым. Большой в одной рубашке стоял на кровати и пристально вглядывался в ночь.

Будто сомнамбула, доктор медленно подошел к окну, но тут же попятился и, наткнувшись на кресло, рухнул в него. Он увидел, как в носу исполинского корабля открылся прямоугольный люк и широкая полоса яркого света легла от него на подоконник, подобно сходням. Тут же в освещенном прямоугольнике появилась изящная фигура, и... и по сходням в палату легко сбежал молодой рыжеволосый капитан в белой фуражке. Не обращая внимания на доктора и сиделку, он отдал честь мужчине в ночной рубашке и отчетливо:

— «Эврика» готова к отплытию, сэр!

— Капитан Гай, вы? — воскликнул По. — Разве вы не погibli там, на архипелаге, в южных морях, под завалом, который устроили нам коварные туземцы?

— Никак нет, сэр.

— Я счастлив, капитан, снова видеть вас, — искренне сказал По, пожимая ему руку. — Но ради всего святого, дружище, скажите мне, почему у вашего корабля такой странный вид?

— Вы разве забыли о цели нашего путешествия, сэр?

ФАНТАСТИКА

— Мы отправляемся на Южный полюс. Разве не так?

— Совершенно верно, сэр. Сначала на Южный полюс. А затем...

— Затем? — переспросил По.

Капитан Гай мечтательно улыбнулся.

— За цепь унылых гор Луны, в долину тени и хлада... — негромко продекламировал он, слегка покачиваясь, явно замороженный музыкой чудесных слов.

— Так мы отправляемся... на Луну? Но как же?..

По растерянно оглянулся. В кресле для посетителей, безмолвно внимая их разговору, сидел доктор Моран. Возле дверей со свечой в руках стояла сиделка. И никого, никого больше!

Капитан Гай вежливо кашлянул.

— Вы хотите сказать, сэр, — проговорил он тихо, — а как же леди Лигейя? Она на борту, ждет вас. Сэр! — повысил он голос. — Вся команда в сборе, «Эврика» готова к отправлению. — И добавил уже просительно: — Ветер может переместиться.

— Да, да, конечно! — прошептал По, охваченный странным волнением. — Я немедленно поднимаюсь на борт. Все дела закончены, все рукописи завершены. Меня больше ничто не держит на этой планете. Но, дружище, как же я предстану перед леди Лигейей вот в этом? — И он развел руками, оглядывая себя.

— Действительно, — смущенно пробормотал капитан. — Я должен был позаботиться об этом.

Из темного коридора в освещенную комнату шагнула Мэри, жена доктора. Оказывается, все это время она стояла за полуприкрытой дверью, внимательно прислушиваясь к разговору. У нее в руках было какое-то белое одеяние. Сурово поджав губы, Мэри протянула наряд пациенту.

Тот быстро облачился, и лицо его просветлело.

— Даже не знаю, как вас отблагодарить за вашу доброту, миссис Моран. Разве что этим. — Он протянул ей какой-то листок, и Мэри машинально взяла его. — Прощайте!

Коротко поклонившись доктору, По шагнул на сходни. Капитан Гай последовал за ним. Крышка люка захлопнулась, и сходни исчезли. Исполинское черное судно, озаренное голубыми огнями боевых фонарей, стремительно поднялось и скрылось за тучами.

Мэри посмотрела на листок, оставшийся у нее в руке. Это было последнее стихотворение Эдгара По, написанное накануне вечером. Двадцать лет спустя сыновья доктора Морана продали рукопись за двести долларов сумасшедшему старику с тростью из Филадельфии, и следы этого листка затерялись.

